

АЛЕКСАНДР НАМГАЛАДЗЕ

**Записки рыба-loва-любителя.
Часть 6. Ельцинские времена.
Том 6.1. Главы 557-624**

Александр Намгаладзе

**Записки рыба-loва-любителя.
Часть 6. Ельцинские времена.
Том 6.1. Главы 557-624**

«Издательские решения»

Намгаладзе А.

Записки рыболова-любителя. Часть 6. Ельцинские времена. Том 6.1. Главы 557-624 / А. Намгаладзе — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836928-5

В настоящем двухтомнике на базе дневников, воспоминаний и переписки автора описаны события 90-х годов 20 века, происходившие в Полярном геофизическом институте Российской академии наук и Морской государственной академии рыбопромыслового флота и за их пределами. События происходят в Мурманске, Апатитах, Калининграде, Москве, Владимире, Сестрорецке и за рубежом. Авторское фото на обложке тома 6.1 показывает космодром Европейского космического агентства (глава 619).

ISBN 978-5-44-836928-5

© Намгаладзе А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие к двухтомнику 6.1 и 6.2	6
1992 г.	7
557. Январь – февраль 1992 г. Болезнь у тестя	7
558. В России свободные цены! Но прилавки пока ещё пустые	10
559. Учёные Советы по финансированию тем. Не скинуты ли нам, чтобы укокошить администраторов? Сокращать никого не надо, надо только до осени продержаться, ведь Ельцин же обещал. Зачем нам ВЦ?	12
560. Пивоваров и Лазутин	15
561. Семейное предприятие в Севастополе. Бурные дебаты в Апатитах по поводу лазутинцев	17
562. Март – апрель. Совещание по «Арктике» в ПГИ для «Салюта». С Ляцким и Кореньковым о моём авторитаризме. Поездка в Лопарскую. Натаскивание собак на медведя	20
563. С Митей и Ириной в Протвино. VI съезд народных депутатов. «Ребята растерялись»	24
564. Санкт-Петербург – Лахти. Хельсинки. Демократы... Развалили страну, вот и ПГИ сейчас разваливают	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Записки рыбака-любителя.
Часть 6. Ельцинские времена.
Том 6.1. Главы 557-624
Александр Намгаладзе**

© Александр Намгаладзе, 2017

ISBN 978-5-4483-6928-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к двухтомнику 6.1 и 6.2

Двухтомник представляет собой 6-ю часть «Записок рыбака-любителя». Первые пять частей закончились концом 1991 года и падением СССР, так что их можно было бы назвать «О том, как мы жили в Советском Союзе». Ниже речь пойдёт о периоде 1992 – 1999 г.г., часто называемом «проклятые», «роковые» 90-е годы.

Книга продолжает серию «Записок рыбака-любителя» А. Намгаладзе с теми же, во многом, действующими лицами, с тем же обоснованием написания, сформулированным в начале этой дневниково-мемуарно-эпистолярной эпопеи, с теми же эпиграфами и тем же подзаголовком: «Из истории космической геофизики и российской демократии, а также о футболе и смысле жизни».

Книжный вариант «Записок» существенно сокращён по сравнению с интернет-версией для облегчения жизни читателей. Особенно жаль мне фотографии, но что поделаешь? И митинговых студенческих впечатлений о футбольных матчах тоже жаль. И писем родственников и друзей. Тем не менее, резать надо.

Ещё хотел бы заметить, что мои «Записки», это не записки о рыбалке, хотя и она там присутствует. Это просто мои «Записки», а я – рыбак-любитель.

Нумерация, как и ранее, является хронологической и ведётся через все «Записки».

1992 г.

**Мурманск – Апатиты – Лопарская –
Калининград – Москва – Владимир – Петербург –
Сестрорецк – Лахти – Хельсинки – Севастополь**

557. Январь – февраль 1992 г. Болезнь у тестя

Все новогодние (1992 года) выходные дни (их получилось четыре подряд) я катался на лыжах по 2—3 часа в день. Сашулю с Митей удалось в эти дни вытащить на лыжню только дважды.

30-го декабря (1991 г.) с утра была сильнейшая пурга, потом вроде бы стихло и прояснилось, и я отправился кататься один. Сашуля с Митей никакого желания идти со мной не проявили, да я их особенно и не уговаривал, тем более, что прогноз погоды по мурманскому радио обещал чуть ли не ураганный ветер. Я же решил, что они со своим прогнозом опоздали – ветер уже был сильный, а теперь стихает. И действительно, погода улучшилась, между сопок было тихо, скольжение неплохое, и я про себя думал – зря Сашуля с Митей не пошли.

Но едва я перешёл второе озеро за Ленинградским шоссе, ситуация резко изменилась. Сплошная туча закрыла всё небо, повалил мокрый снег, скольжение и видимость резко ухудшились, да ещё снег залеплял очки, – я повернул назад. Лыжню моментально заносило, хотя передо мною, метрах в ста от меня шли двое-трое лыжников, прокладывая путь. Идти было очень тяжело, и я теперь уже радовался, что, слава Богу, Сашуля с Митей со мной не потащились, вот бы намучились.

На Большом Питьевом озере лыжня окончательно потерялась, и я шёл к «нашему берегу» на глазок, а у берега не смог найти в пурге и потёмках выход лыжной трассы из леса и, блуждая в его поисках, завалился в снег глубиной по пояс. Одна лыжина зарылась так глубоко, что я не мог даже пошевелить ногой, даже сесть не удавалось, лежал как в капкане, – удовольствие, надо сказать, так себе. Но всё же сумел отстегнуть крепление и выбрался из сугроба, после чего продолжил поиски трассы. Основную не нашёл, но вышел на какую-то соседнюю, по которой вскоре выбрался и на главный путь. Еле довололся до дома, весь облепленный снегом и совершенно обессиленный.

Тем не менее, на следующий день – предновогодний – отправился на лыжню снова, но уже с Сашулей и Митей по сравнительно приличной, без снегопада, погоде.

А вечером встречали Новый год втроём, осилив по бутылке шампанского и «Каберне» (Сашуля с Митей!), а я бутылку водки, после чего я в три часа уснул, а мои хорошие пилились в телевизор до шести утра. Зато я опять был на лыжах с 11 утра, а они дрыхнули до обеда, и только 2-го мы снова катались втроём.

Письмо тётки Антонины Дмитриевны от 14.01.92г.

Здравствуйте мои дорогие дети Шурочка, Саша и внучек Митенька...

Как вы поживаете? Как здоровье? Как со снабжением демократов?

Цены сумасшедшие. Масло сливочное 190 руб., сметана 44 руб., яйца 27 руб. 1 десяток. Колбаса от 84 руб. до 120 и т. д. Правда, на талоны дали макароны, песок, масла растительного 200 г на человека по государственной цене. Хлеб тоже нормальная цена. Хорошо, что своя картошка и капуста с огурцами. Картошка 4 руб. кг, капуста 6 руб. кг, морковь 6 руб. кг. Пришли к рынку, а дальше?

Наша жизнь стариков неутешительная. Годы берут своё. Папу сегодня положили в госпиталь. В воскресенье вечером 12 января вместе с калом обнаружил большое количество крови. Утром встал, чувствовал себя нормально. Пошел на работу. С работы пришёл, как с ним часто бывает, весёлый. Поужинали и лёг спать. Часа через два проснулся: трусы и кальсоны и простынь в крови. Всё с него сняли, переодели. Снова лёг. Проснулся в два часа ночи. Пошёл в туалет, в унитаз выделились из него шлёпки тёмной крови, он слить сам не смог, не было ночью воды. Я сливала ведром. Ночью никак не согласился вызвать скорую. После двух часов спал спокойнее.

Утром вызвала скорую, отвезла в госпиталь. Хотел позвонить, но ничего не дождусь, а время уже 8 часов вечера. Хоть бы всё обошлось благополучно. Думы в голову лезут удручающие. Настроение очень плохое. Дорогая моя дочь, напиши хоть несколько строчек, как вы живёте...

Письмо Антонины Дмитриевны от 30.01.92 г.

...Спешу сообщить о своем положении, вернее, о здоровье папы. Я писала, что папе предстоит операция. Вот сегодня 29.01.92 г. сделали. Со мной разговаривал врач, который делал операцию. Говорит, что удалили большую опухоль. Удалили всё, что можно, чтоб ничего не осталось. Какой будет результат?

Сейчас папа находится в реанимации. Говорит, что в реанимации будет лежать дня три. Меня, конечно, туда не пускают. Врач просил через день принести клюквенного морсу. В общем, дела плохи

Не бережем себя, когда ноги таскают. Кажется, все нипочем. Хоть бы послеоперационный период не был тяжёлым. Хоть бы всё обошлось нормально. Но хорошего, конечно, нет ничего...

Шурочка, пишите о своём житье-бытье. Как здоровье? Берегите себя. Митя, наверное, уехал? Опять жить ожиданиями о встрече.

Пока, мои дорогие, до свидания. Крепко вас целуем, мама, папа.

Письмо Ирины от 3.02.92 г.

...На днях получила путевку в ЦИУ. Командировку мне выпишут с 3 марта. Хотелось бы, чтобы Митя меня встретил и помог добраться до места. Миша останется с Ваней, ведь так будет удобнее и рациональнее.

Дима (отец Миши) встречал Мишу в садике, хотел забрать на выходные недели две назад. Но не появился. Мы с Ваней были в юридической консультации. Перемена фамилии возможна в случае усыновления при отказе от отцовства со стороны Димы и от алиментов – с моей. Возможно и просто поменять фамилию без усыновления, но это сложнее. Ваня хочет сам говорить с Димой, без моего участия, но всё никак не соберётся...

Письмо Ирины от 15.02.92 г.

Мамочка, ты своим отпуском можешь располагать, как тебе удобно. Дело в том, что я, возможно, забеременела. И в августе у меня уже будет декретный отпуск. Срок ещё небольшой, и в консультацию я не обращалась. Пойду перед отпуском. Пока чувствую себя хорошо.

...Звонила бабуля. У деда состояние лучше, видимо, злокачественность исключена.

Письмо Мити от 22.02.92 г.

...определилась тема моей курсовой работы – синтез сульфидов железа, вещества, которое, как полагают, может обладать сверхпроводниковыми свойствами. Выполнять работу буду в лаборатории моего преподавателя по практикуму, что, мне кажется, облегчит выполнение задачи, так как со знакомым человеком работать удобнее.

Жизнь в Москве, конечно, сильно подорожала. Один обед обходится не менее, чем в 10 руб., а если и ужинать, то еда займёт 15—17 руб. А кроме того, необходимо покупать еду на завтрак. Консервы мы за неделю съели, теперь едим запасы других. В этом плане Коля Зенин опередил всех: привёз, наверное, килограммов 20 еды. Так что в месяц приходится тратить около 600—700 рублей...

558. В России свободные цены! Но прилавки пока ещё пустые

Со 2-го января в России свободные цены!

Как и в случае с мартовским (павловским) повышением цен, народ (а в глубине души и я с ним) ожидал, что из подсобок и складов товары переместятся, наконец, на прилавки. Ни хрена подобного. Как и в марте.

Разница только в том, что тогда цены на то, что ещё оставалось в продаже, поднялись раза в три, а теперь в 10 и 20 и в 50 раз сразу. Батон за 26 коп. стал стоить 3 руб. и т. д. Белый хлеб стали брать меньше, навалились на чёрный, того стало не хватать, возникли очереди, в которых нужно было простоять полчаса и остаться с носом, и это вместо ожидавшегося изобилия.

Сашуля не уставала возмущаться новыми ценами, Ельциным и его командой и отвергала все мои оправдания-объяснения их действий, не предлагая, разумеется, никаких альтернатив, справедливо полагая, что это не её обязанность.

Я же убеждал её, что деваться некуда, надо терпеть и дай Бог правительству твёрдости сдерживать рост зарплаты, тогда легче будет с финансами, да ещё торговлю как можно скорее приватизировать...

Ну, а прилавки в продмагах всё же потихоньку начали заполняться, вот вчера уже и сосиски молочные по 78 руб. за кг в свободной продаже видел.

Митя всё своё каникулярное время проводил за изучением английского с одержимостью, напоминавшей его увлечение географией в детские годы. Слушал пластинки и приёмник, изучал грамматику, читал «Time» и «Nature», взятые в нашей библиотеке, чем очень меня радовал.

А удивил тем, что Мешкову позавидовал, приятелю школьному своему, очень способному в части математики парню, который не захотел никуда уезжать поступать, остался в Мурманске, поступил в Пединститут, учился, не надрываясь (не то, что Митя), жил в семейном комфорте и уюте (не в общежитии!), крутил магнитофон и видик, которых у нас и дома-то не было. Понять Митину зависть можно было – тяжело ему, конечно, в МГУ, не столько с учебной, сколько бытовой, особенно в это время дурацкое.

– Но ведь, – утешал я его, – сейчас главное – квалификацию высокую получить, удовольствия ещё будут. Мозги пока свежие, восприимчивые, их на полную катушку загружать надо, потом все это окупится...

Митя, конечно, и сам всё прекрасно понимал, и зависть у него была бесхитростная, от неуютности московской. 8-го числа он узнал по телефону, что ему поставили автомат по химии (разделил 9—13 места по рейтингу) и, конечно, страшно обрадовался – не надо ехать на экзамен к 13-му, а то уже был билет на поезд взят, гуляй теперь ещё целый месяц без перерыва – заслужил!

Митя пробыл у нас на каникулах до **9-го февраля**, регулярно катался с нами на лыжах, убегая вперед и демонстрируя не технику, разумеется, но мощь. Уже и мне его темп на лыжне трудно поддерживать.

22-го февраля я брал фотоаппарат с собой, ФЭД-4 папин, и мы с Сашулей пощёлкали друг друга и окрестности, начиная от нашего дома (и закончив у него). На одном из снимков Сашуля запечатлена на фоне Большого Питьевого озера, по льду которого пунктирной ниткой (из фигурок лыжников) тянется отрезок трассы от 2-го КП к нашей «Стране Дураков», это снято уже на обратном пути, почти на финише, после самого крутого подъема с Большого Питьевого озера, когда остаётся около полукилометра, чтобы замкнуть большой круг.

«Большой круг» – это, конечно, просто условное название некоего замкнутого участка сети лыжных трасс в окрестностях Мурманска, по которому мы ходим чаще всего, преодолевая его за время порядка двух часов.

От «Страны Дураков» через Среднее Питьеовое озеро вниз к северо-восточному краю Большого Питьеового мимо КП-3 под мост, по которому проходит Ленинградское шоссе, и сравнительно полого вверх вдоль по цепочке небольших озёр прямо на восток до перевала, перед которым разворот и обратно вниз, но южнее, скатываясь по крутым и длинным спускам вниз в Долину Пенсионеров, ведущую к КП-2, а оттуда через ветреную южную часть Б. Питьеового озера к крутым склонам «Страны Дураков».

«Большим кругом» мы прозвали этот маршрут в наш первый лыжный сезон, когда изрядно уставали уже после часа лыжного хода. **23-го февраля 1992 г.** я впервые расширил «большой круг»: развернувшись перед перевалом, я отправился не вниз на запад в Долину пенсионеров, а по верху на юг, не зная точно куда, но надеясь попасть в Долину Уюта. И попал, через Рог-озеро (которое пересекал в начале зимы 89—90 гг., когда приезжал в Мурманск в компанию выборов директора). Из Долины Уюта я повернул на север вдоль Ленинградского шоссе и лыжня вывела меня на самый крутой, длинный и от этого разгонистый спуск, на котором я непонятно как не завалился. А через 10 минут я уже был на КП-2, откуда через Б. Питьеовое в «Страну Дураков», завершив этот расширенный вариант «Большого круга» за 2 часа 50 минут (и отметив таким образом закрытие Олимпийских игр в Альбервилле).

В последний февральский лыжный поход (**29-го числа**, високосный год) Сашуля сломала палку, первоначально сломанную Митей (в наш первый с ним выход на лыжах) и затем мною чиненную, снова Митей ломанную и снова мною клеенную. Я эту палку и в этот раз пытался восстановить прямо на трассе, обложив место перелома прутиками и обмотав их тесьмой от Сашулиной куртки. Получилось что-то похожее на метлу и мало пригодное на роль лыжной палки. Сашуля тем не менее с ней отмучилась по всему большому кругу, получив в награду от меня прозвище «девушка с помелом».

559. Учёные Советы по финансированию тем. Не скинуться ли нам, чтобы укокошить администраторов? Сокращать никого не надо, надо только до осени продержаться, ведь Ельцин же обещал. Зачем нам ВЦ?

Весь январь и февраль в ПГИ чуть ли не каждую неделю проходили Учёные Советы, посвящённые, главным образом, переходу на потемное финансирование. Суть этой пивоваровской затеи, полностью мной поддержанной, состояла в том, чтобы распределить годовой бюджет, т.е. средства, выделенные институту Академией Наук, не по структурным подразделениям пропорционально их ФЗП («по головам», грубо говоря), а по темам, предварительно утверждённым Учёным Советом.

Сформулировать темы было предложено внутри шести основных научных направлений ПГИ, руководителями которых Пивоваров назначил Терещенко (радиофизические исследования), Ляцкого (магнитосферно-ионосферные возмущения), Мальцева (исследования геокоспа), Иванова (исследования вторжений корпускулярных потоков, совместно с Пивоваровым), Власкова и Лазутина (средняя атмосфера) и Намгаладзе (математическое моделирование и информатика).

Любой желающий мог предложить тему в рамках любого из направлений, согласовав её с руководителем направления и получив от него требуемые средства. В последнем, собственно, и состояла миссия руководителя направления – распределить по своему усмотрению средства по темам внутри направления, а на каждое направление Пивоваровым было выделено одинаковое количество денег.

Основная идея мероприятия заключалась в том, чтобы при надвигающемся сокращении бюджетного финансирования *уйти от поголовного распределения денег*, когда деньги гарантированно доставались всем, сколько бы их (денег) не было. Хоть понемножку, но всем. Уже за то, что ты числишься в штате. Но как тогда сокращать численность? Кого сокращать? По какому принципу?

А что сокращать численность ПГИ надо – сомнений давно уже не оставалось ни у Пивоварова, ни у меня, ни у Власкова, Боголюбова, Иванова... Элементарный здравый смысл подсказывал – или всем нищенствовать или сокращаться. Да и в официальных распоряжениях Президиума РАН недвусмысленно рекомендовалось сокращать неперспективные (!) направления исследований. Но пусть сокращением занимается не дирекция, а руководители направлений и тем. Деньги получают они, они пусть и набирают людей на эти деньги себе на темы, а кто в темы не попадет, того и сокращать. Вроде бы логично.

Но существовал ещё один момент в этом деле, который, как я потом понял, для Пивоварова был важнее приведенных соображений. Потемное финансирование разрушало структуру ПГИ в виде отделов, которую Пивоваров сам же создал в качестве своего самого первого мероприятия, а теперь не знал как ликвидировать.

Ликвидировать же отделы ему теперь зудело по той, увы, простой причине, что большинство начальников отделов, он терпеть не мог – кого давно уже, как Терещенко, например, да и Лазутина, пожалуй, с попытки их открытого выступления против него, кого недавно, как Леонтьева и Остапенко, справедливо считая лояльными начальниками только Ляцкого и Власкова. И если Терещенко и Лазутина Пивоваров побаивался, потому и оставил их в руководителях направлений, то отстранить Остапенко и Леонтьева от распоряжения деньгами и людьми, он считал вполне возможным и очень даже желательным.

Общественность пэгэёвская к потемному финансированию отнеслась настороженно, если не враждебно, в особенности поначалу. Народ чувствовал, что обернется это в конце концов сокращением, страшно волновался, как же будут делить деньги руководители направлений.

На одном из Учёных Советов, проходившем в Апатитах, выступил Саша Ройзен, симпатичный в общем-то мужик, из высококвалифицированных технарей, и выдал такую пенку: сейчас на мокрое дело спеца нанять очень дешёво, так не скинуться ли нам по 200 руб. и не укокошить ли тех администраторов, которые сокращение предлагают?

Ну что тут скажешь?

Конечно, апатитян можно понять – куда сокращенным деваться? Это не Мурманск, предприятий практически нет помимо Апатитового комбината, а там электроники не нужны. Трагедия. А что поделаешь? Вляпались в милитаризованную, никому не нужную (в таких количествах и при таком качестве) науку, а теперь выбирайся, как знаешь. Или терпи, цепляйся за свое место, выживай коллегу.

Но преобладало общинное настроение – погибать, так вместе, а посему деньги делить надо поровну, «по головам». Витя Мингалёв на полном серьёзе на одном из Советов заявил, что надо, мол, только до осени продержаться, Ельцин же обещал, что осенью легче будет, поэтому сокращать никого не надо.

Но прежде, чем делить деньги по темам, нужно было обсудить и утвердить на Учёном Совете название, содержание и руководителей тем, чем собственно Учёный Совет и должен в первую очередь заниматься – оценивать *научное содержание* проводимых и планируемых работ. Но тут, как не странно, страсти отнюдь не кипели, дискуссии никакие не велись.

Я, правда, пытался критиковать тему Лазутина за несоответствие своему названию и вообще научному направлению «Средняя атмосфера», в которое он тащил все свои магнитосферные исследования, но поддержки не получил. Да при утверждении нашей с Власковым общей темы («Математическое моделирование средней и верхней атмосферы») при голосовании воздержались Мингалёв и Терещенко, большинство же тем утверждалось единогласно.

От Вити Мингалёва я ждал, что он предложит свою тему в рамках «моего» направления («Математическое моделирование и информатика»), но от него ничего не было вплоть до Учёного Совета, на котором обсуждались темы этого направления. И, естественно, возник вопрос на Совете – а почему у Мингалёва, одного из ведущих, если не ведущего модельера, нет темы в направлении «Моделирование»? Я ответил, что это, действительно, ненормально, но Виктор Степанович ничего не предлагал, а я, зная его категорическое нежелание работать подо «мной», «в одном колхозе», к нему тоже не обращался. Тем более, что Виктор Степанович уже получил свою тему в направлении Мальцева «Исследования геокаспа». Но, если Виктор Степанович всё же предложит тему, я готов её рассмотреть и на этот случай зарезервировал часть средств. Совет рекомендовал нам уладить взаимоотношения и найти общий язык. Витя после этого подал мне предложение, но общего языка мы с ним по-настоящему так и не нашли. Своё предложение он изложил в таких расплывчатых формулировках, что я попросил раскрыть их конкретное содержание. Витя закапризничал. Тогда я сам сформулировал, что мне бы желательно получить от них, т.е. от его группы в рамках нашей с Власковым темы за соответствующую сумму денег. Витя в принципе не возражал, на чем мы вроде бы как и сошлись.

В конце января в Апатитах проходил традиционный семинар «Физика авроральных явлений», на который обычно съезжались чуть ли не все магнитосферщики бывшего Союза, а в этот раз иногородних было раз-два и обчёлся – Витя Сергеев от Пудовкина, Фельдштейн от ИЗМИРАНа да какие-то шальные якутяне, которым то ли президент, то ли парламент их Сахи якобы выделил на науку достаточно средств, чтобы выезжать в Европейскую часть. Правда, тогда ещё цены на авиабилеты не были такими сумасшедшими как сейчас, но для москвичей они уже оказались недоступными, отчего даже из НИИЯФА никого не было.

Я выступил с докладом по «горячей зоне» в протоносфере, в котором представил результаты наших с Клименко и Кореньковым исследований влияния плазменных движений на тепловой режим протоносферы и верхней ионосферы. Результаты были интересными и сами по себе, и тем, что были на руку Юре Мальцеву с его революционной теорией геомагнитной бури, отвергавшей (или умалявшей) важную роль магнитосферного кольцевого тока. Наш механизм разогрева внешней плазмосферы и генерации связанных с ним устойчивых субавроральных дуг полярных сияний также делал необязательным наличие кольцевого тока.

Слава Ляцкий, правда, высказал некий скепсис в отношении наших результатов, но мне было видно, что он не очень-то в них разобрался, точнее, не в результатах, а в постановке задачи. Витя Мингалёв, нападавший на нашу модель (из-за якобы неприменимости гидродинамического приближения на больших высотах) при утверждении моей с Власковым темы, здесь на семинаре почему-то воздержался от всякой критики; впрочем, кажется, на моём докладе его вообще не было...

В те же дни в Апатитах состоялся очередной Учёный Совет, на котором обсуждалась судьба мастерских и обсерваторий. Мастерским практически при общем согласии было отказано в гарантированном бюджетном обеспечении – живите, мол, на заказах, если сможете, и это был уже не мелкий шаг на пути к сокращению штатов, там человек тридцать, если не больше, работало.

Обсерваториям (Лопарская, Ловозеро) финансирование гарантировалось, но Апатиты добивались статуса обсерватории для своего стратосферного полигона и прочих апатитских средств наблюдений, часть из которых велась нерегулярно. Мурманчане возражали, поскольку не с меньшим основанием они могут требовать аналогичного статуса для своих баз в Верхнетуломском, Туманном, Лоймале, содержание которых ложилось на конкретные темы, выполнявшиеся на этих базах.

Совет притязания Апатит отклонил (сами апатитяне не были вполне единодушны), в очередной раз подпитав уверенность недовольных апатитских сотрудников, главным образом, из многочисленной лазутинской команды, в том, что Мурманская администрация (Пивоваров и Намгаладзе) намерена вообще Апатиты задавить и все сокращение за их счёт провести (мастерские-то ведь тоже апатитское подразделение!).

Это было, конечно, не так. В Мурманске уже существенно сократилась многочисленная Ейбоговская команда, было ликвидировано РСУ, на очереди стоял гараж, а содержание здания и экспедиций требовало куда больше людей и средств, чем в Апатитах. Последнее, впрочем, не встречало сочувствия у апатитян: на наши, мол, деньги (или, в крайнем случае, общие) содержите такие хоромы, от которых нам никакой радости нет. Вы там в аренду площади сдаёте, а непонятно на что доходы с этого тратите.

Такие же, кстати, разговоры и в Мурманске ходили, сколько я не разъяснял, какие с кем договора по использованию наших помещений заключаются.

А, кстати, помимо договоров со «Створом» и МЦИ подписан был, наконец (31 января), договор и с ЭКОСом (Ведерников, которого уговорил Хабиев), который за семь комнат с двумя телефонами на пять лет обещал поставить к концу первого квартала вычислительной техники на 70.000 долларов (двухпроцессорный комплекс «Компак СистемПро» со всякой периферией и матобеспечением к нему, существенно более производительный, чем та машина, которую мы приобрели вместе с МЦИ на створовские деньги, но менее ёмкий по памяти внешних устройств).

Большинству, однако, вся эта техника на фиг была нужна. Зачем нам ВЦ? Мы же не институт моделирования. Это всё Намгаладзе для себя гребёт.

560. Пивоваров и Лазутин

После двух подряд январских Ученых Советов в Апатитах следующие два (февральские) проходили в Мурманске. Обсуждались накладные расходы, проблема переселения в Мурманске (надо было готовить помещения для ЭКОСа и для тех, кто ещё мог появиться на аналогичных условиях, а народ в Мурманске сидел по одному в кабинетах на троих), была названа, наконец, сумма денег, выделявшаяся на каждое направление (180 т. руб. на полгода), и в эту сумму должны были уложиться штатные расписания тем каждого направления.

Тут, конечно, начали страсти разгораться. Те руководители тем, которые набрали много народу, ломали голову – как теперь с зарплатами быть? Будем в отпуска за свой счёт уходить, если денег не хватит, – уверяли они дирекцию, представляя штатные расписания, не укладывающиеся в выделенные суммы. А где гарантия? Силой ведь не заставишь людей потом заявления об отпуске без содержания писать, у них у всех трудовые договоры с директором подписаны.

Наибольший перебор был у Лазутина, который не только весь свой бывший отдел расписал по трём темам своей половины направления «Средняя атмосфера» (вторая половина средств принадлежала Власкову – второму руководителю этого направления), но и не отказывал любым желающим работать у него из других подразделений. В результате он набрал людей примерно вдвое больше, чем мог содержать на выделенные ему деньги, но сокращать никого не собирался. Это был откровенный саботаж – знать ничего не знаю, делайте, что хотите. В глазах же апатитян, особенно его подчинённых, он был героем, защитником народа от сокращения, борцом с кровожадной администрацией.

Как-то после одного из Учёных Советов в Мурманске в 310-й аудитории, где проходило заседание, задержалась Галя Мингалёва. Она приезжала на этот Совет в связи, кажется, с утверждением её в должности старшего научного сотрудника. Я подошёл, поздравил с повышением, и между нами состоялся разговор-объяснение, давно, конечно, необходимый, тяжёлый для обоих и в общем-то обоим не удовлетворивший.

У Гали всё на грани слёз, куча претензий: – Мы на тебя надеялись, а ты нас предал, начал топтать...

Я пытался мягко возразить, будучи убеждённым, что они (Витя с Галей) просто не могут простить мне мою лояльность по отношению к Пивоварову, который отодвинул Витю из замдиректоров. Но переубедить Галю очень трудно, и её увёл к себе в гости Власков ненадолго перед поездом, прекратив наши мучения. Хорошо было лишь то, что мы с Галей оба согласились – взаимоотношения наши ненормальны. А вот как их нормализовать – осталось неясным.

Расставшись с Галей, я пошёл к Пивоварову и застал директора бурно негодующим в своём кабинете перед Ивановым, Ляцким и Мальцевым, как оказалось, по поводу Лазутина.

Судя по всему, Юра Мальцев выступил в качестве ходатая за Лазутина перед директором, чем того и разгневал. Юра к Лазутину относился очень хорошо, как он сам откровенно объяснял, по причине личной признательности за благодеяния Лазутиным Юре оказанные – за приглашение в отдел на должность завлаба, за высокую зарплату и за первый выезд в командировку за рубеж – в Прагу, кажется, и за невмешательство в научную деятельность и т. д. и т. п., то есть за всё то, что Юра у Славы в отделе не имел, а у Лазутина получил.

Пивоваров же, в отношении к Лазутину, как и ко многим другим, подвергавшийся довольно большим перепадам – от «Лёня, дорогой», до крайней неприязни, в данный момент был в пике самой настоящей озлобленности и клеймил Лазутина на чём свет стоит.

Он, мол, и наукой-то никакой никогда не занимался, и аэростаты его никому не нужны, и Хататов из ЦАО – ведущий специалист по аэростатам – лазутинские результаты ни во что не ставит, и единственное, что Лазутину нужно – это кресло директора, а сам денег для инсти-

туда добыть не может, только требует – дай на содержание большой толпы, которая непонятно, чем занимается.

Почему остальные должны укладываться в то, что есть, а Лазутину надо особо добавлять? Пусть не у дирекции требует, а у других направлений занимает. Только кто ему даст и чем он отдавать будет?

По большей части всё это было верно, но Юру как-то не очень, похоже, убедило, из-за пивоваровских пережимов, наверное. Мне он потом сказал, выйдя от директора:

– Пивоваров – опасный человек. Я его боюсь. Он ведь потом и меня так же съест сможет, как сейчас Лазутина пытается.

Я попытался его разуверить:

– Ещё неизвестно кто кого съест. Лазутин-то уж не ангел.

А Юра Мальцев, между прочим, остался без собственной темы, будучи руководителем направления. Направление ему досталось (не без моей подсказки Пивоварову) – «Исследования геокаспа» (поначалу Пивоваров эти исследования жутко рекламировал и сам возглавлял, без особых успехов, потом остыл).

Юра от предложения курировать это направление не отказался, правильно расценив его как повышение своего статуса, хотя сам геокаспом особенно не интересовался. Его волновала геомагнитная буря, новую теорию которой он строил, и он рассчитывал получить на это деньги от Ляцкого – руководителя направления «Магнитосферно-ионосферные возмущения».

А тот ему не дал: самому, мол, не хватает, а у тебя целое собственное направление. Юра же честно раздал деньги своего направления на ряд тем, хоть как-то касавшихся геокаспа, включая мингалёвскую, да ещё и Лазутину в долг отдал (безвозвратный, конечно), а сам остался без темы, сетуя на Ляцкого. Тот, в свою очередь, считал это придурью Юриной: а чего он, мол, Ваньку валяет?

561. Семейное предприятие в Севастополе. Бурные дебаты в Апатитах по поводу лазутицев

Ну, а что Шубин – кэгебэшник молодой, которому мои консультации понадобились? Приходил он ко мне в январе, и я добросовестно просвещал его по глобальному моделированию. Красть, говорю, нам на Западе нечего. Никаких таких секретов у них нет, которые нам быгодились, программы мы сами умеем не хуже их лепить. Вот суперкомпьютер бы у них уволочь – это да, в этом-то вся загвоздка, всё их преимущество. Нам бы их вычислительную технику и никаких проблем с глобальным моделированием, не говоря, правда, о входных данных экспериментальных, но это уже проблема не моделирования, а мониторинга.

Шубин мне поверил и был явно огорчён: – Какого же хрена мне такую задачу поставили? – Вот уж не знаю. Тут ничем помочь не могу. А про глобальное моделирование верхней атмосферы – любые подробности, какие хотите, пожалуйста. Самая лучшая в мире глобальная модель верхней атмосферы как раз под моим руководством сделана и от Запада мне для неё ничего не нужно акромья компьютера мощного.

На этом мы с ним и распрощались. Шубин от меня ушёл откровенно разочарованным.

Милочке **22-го января** сорок лет исполнилось! Из Севастополя никаких вестей не было, от Любки знали только, что Павел ту же свою работу (наладку РЭА на кораблях) теперь как частная фирма делает, а Милочка у него бухгалтером, и Ромка там же чуть ли не директором, семейное предприятие, короче.

Из Владимира новости были плохие: деду Николаю срочно операцию делали после кровотечения кишечного, опухоль вырезали, к счастью, не злокачественную. Перепугались, конечно, и бабуля, и дед. Но обошлось. Может, пить теперь перестанет?

Митя из Москвы звонил: стипендию дали повышенную – 500 руб.! Символическое, конечно, вознаграждение при новых-то ценах, но всё же.

Но вернёмся в ПГИ.

К концу февраля переход на потемное финансирование (по крайней мере, в Мурманском отделении) практически завершился изданием ряда приказов, которыми прежняя структура в виде отделов и лабораторий ликвидировалась, и утверждалось новое штатное расписание. Должности, в него не вошедшие, сокращались. По Мурманскому отделению их набралось порядка сорока.

Новыми структурными единицами стали ВТК – временные трудовые коллективы из сотрудников, работающих на данной теме. Тем и, соответственно, ВТК получилось 24, т.е. в среднем по 4 в каждом направлении, но в моём, например, три, а у Власкова с Лазутиным – шесть и т. п.

Начальником ВТК (точнее и.о. руководителя) утверждался научный руководитель темы, а там, где их было двое, как у нас с Власковым (который работал по двум направлениям: «Мат-моделирование» и «Средняя атмосфера») надлежало провести выборы одного из этих двух (Боголюбов настоял, который решал все процедурные вопросы реорганизации, как главный бюрократ и дока по этой части).

На нашей с Власковым теме собрались: Града Петрова, Аля Осепян (из ветеранов ПГИ, девушки за 50 с гаком уже), Татьяна Чурикова (все кандидаты наук), работавшие с Власковым по Д-области, и непосредственно мои подопечные, нацеленные на освоение большой модели, – Вадим Качала, Миша Волков (тоже кандидаты), Олег Мартыненко, Сашуля, Эля Судницина, и Серёжа Заичка, двое последних – молодые стажёры-исследователи.

Мы с Власковым предложили этому коллективу выбрать меня начальником, поскольку Власков уже возглавлял ВТК на «Средней атмосфере» (по частичным отражениям), и коллек-

тив меня «выбрал» в лучших старых традициях отсутствия других вариантов, а Боголюбов ещё иезуитски требовал протокола этого «выборного собрания».

Мы с Власковым установили оклады народу по имеющимся деньгам и услышали (к моему изумлению) претензии от Али Осепян – мало, мол, дали именно ей, старшему научному сотруднику, который столько лет пашет. Еле её Власков ублажил как-то. Тоже мне девушка перспективная. У нас с Власковым духу просто не хватило отказаться и от неё, и от Грады, пенсии получают, не бедствуют, для науки, что могли, уже сделали, так эта ещё и не довольна.

В Апатитах же продолжалась бодяга с тремя темами лазутинского направления, руководители которых (сам Лазутин, Вашенюк, Ларин и Васильев) упорно не желали приводить свои штатные расписания в соответствие с выделенными деньгами.

Пивоваров, похоже, просто не знал, что с ними делать. Он, впрочем, в детали процедуры перехода к потемному финансированию вообще не вникал, подписывая в своем стиле без раздумий документы, подготовленные Боголюбовым и одобренные мной. К тому же, он едва ли не больше времени проводил в Москве или за границей, чем в институте, без особых, кстати, результатов своих командировок. А поскольку во время его отлучек директорские обязанности исполнял я, то мне пришлось и пытаться развязать лазутинский узел в Апатитах: я попробовал поубеждать строптивцев.

Специально для этого я в Апатиты не поехал бы, но Пивоваров велел мне поучаствовать в совещании по информационному экологическому центру при КНЦ – похвастаться вычислительной техникой, которую ПГИ вот-вот получит (имея в виду договора с МЦИ и ЭКОСом) и намекнуть, что информэоцентр надо в Мурманске при ПГИ создавать на базе этой техники, что я и проделал – выступил, похвастался, намекнул.

А остальное время потратил на тяжёлые переговоры-уговоры с Сафаргалеевым (председателем профкома Апатитского отделения ПГИ), Лазутиным, Васильевым и Козеловым. С Лазутиным я даже не пытался разговаривать – тот явно готов был идти на любой конфликт, пошёл в разнос, что называется, и меня в гробу видел – сиди, мол, у себя в Мурманске и не суйся не в свои дела. От соруководства направлением Пивоваров его отстранил, но Лазутин оставался руководителем темы, утверждённой на Учёном Совете, а вторым человеком на этой теме (по влиянию на народ) я считал Володю Козелова, с которым и решил поговорить.

Суть моей позиции была проста. Приказы надо выполнять. Существует такая вещь как исполнительская дисциплина. Как быть с руководителями тем, не исполняющими приказы директора, это пусть Пивоваров решает. Но они ведь подвесили людей, которые оказались вне утвержденного штатного расписания и формально могут быть подвержены сокращению в первую очередь. Об этом я и хотел бы их предупредить. Затевать же бузу, бунт на корабле – сейчас более, чем неуместно, имея в виду неясные перспективы у всей Академии Наук.

Первым я разговаривал с Володей Сафаргалеевым – симпатичным, мягким, крупным, усатым, числящимся в молодых ещё сотрудником Славы Ляцкого. Он был согласен с тем, что правила игры для всех одинаковы, и их надо соблюдать. Но как быть в данной конкретной ситуации – не представлял. Неуверенный в себе народ толпой бросился к Лазутину в надежде, что он их защитит, не бросит, не отдаст на сокращение. Как их переубедить?

Пивоваров был уверен, что Лазутин идёт напролом, и игнорирует его только потому, что у него есть отходные варианты, ему есть куда уйти, оттого он и такой смелый. А народ его вообще может оказаться у разбитого корыта, если Лазутин уйдёт (он в Бразилию, например, на год собирается). Надо убеждать людей искать места на других темах, если само руководство не может провести отбор.

Понимал ли я тогда, что это всё фигня – предлагать народу искать место на других темах? Кто их возьмёт, кому они нужны? Были бы нужны, их уже взяли бы. Тут я, пожалуй, лицемерил. Ничего кроме сокращения я реально предложить не мог, а хотел, чтобы народ безропотно на это согласился.

И чем мне Сафаргалеев мог помочь? Тем только, что обещал разъяснить местному и народу позицию дирекции – все руководители тем обязаны укладываться в выделенные средства со всеми вытекающими отсюда последствиями, исключений не должно быть не для кого, иначе бардак будет просто.

Ларин и Васильев – соруководители одной из лазутинских тем (исследования озона) поначалу с невинным видом недоумевали: какой перебор? Учёный Совет утвердил их тему, программу работ, а они составили штатное расписание под эту программу, иначе (меньшими силами) она просто не может быть выполнена. Не могут же они сознательно обрекать себя идти на невыполнение темы, утверждённой Учёным Советом!

– Вы мне, пожалуйста, лапшу на уши не вешайте, – возразил я. – Я прекрасно помню, что решал Учёный Совет, если хотите, можем протоколы поднять. Утверждалось научное направление работ, а отнюдь не их объём. И каков будет объём финансирования, вы представляли, когда составляли программу. А главное, есть приказ директора – представить на утверждение штатные расписания в пределах выделенных средств. Почему не выполняете?

Ну и поехали – опять двадцать пять.

– Мы не можем, все люди нужны...

– Добывайте деньги.

– Может Лазутин ещё добудет...

– Вот когда добудет, тогда и набирайте народ.

На том и кончили, ни о чем не договорившись.

Последним с Козеловым беседовал. Повторил всё то же самое, что Сафаргалееву, Ларину и Васильеву говорил. А в ответ услышал сверхбурную тираду:

– Вы с Пивоваровым задались целью разрушить апатитское отделение, ликвидировать все экспериментальные исследования, превратить ПГИ в институт моделирования. Вы в ПГИ без году неделя и не цените то, что годами создавалось. Вы аморальные личности, абсолютно безнравственные! Вы не держите своих обещаний!

И ещё чего-то в этом же духе. Я только и нашёл, что возразить:

– Ну, Владимир Павлович, Вы всё же не папа римский, чтобы о моей нравственности судить.

Не ожидал я от него такой ярости. С тем и уехал из Апатит.

А закончилась история так: Пивоваров махнул рукой и сдался, оставив всё как есть. Формально он согласился дать деньги Лазутину как бы взаймы, в зачёт второго полугодия – об этом они договорились по дороге в Кируну, куда на оптическую конференцию выезжало много апатитян, там, в автобусе, они Пивоварова и охмурили. Так что зря я старался. Ну, а что эти «взаймы» так и канут безвозвратно – я ни на секунду не сомневался. Во втором полугодии с финансированием не лучше, а хуже будет.

В Кируне, по рассказам, Лазутин откровенно издевался над Пивоваровым, пользуясь его незнанием английского и демонстрируя своё свободное владение этим языком и свои обширные дружеские связи со скандинавами, которым он в открытую жаловался на Пивоварова – вот, мол, родная дирекция сворачивает мои исследования, за которые ему там какую-то медаль вручили. Пивоваров нервничал, комплексовал, но поделать ничего не мог.

562. Март – апрель. Совещание по «Арктике» в ПГИ для «Салюта». С Ляцким и Кореньковым о моём авторитаризме. Поездка в Лопарскую. Натаскивание собак на медведя

В марте (11—13-го) Пивоваров проводил в ПГИ совещание по Арктике «а ля Кара-Даг», посвящённое на этот раз не моделированию, а мониторингу, причём с акцентом на «Салютовскую» платформу, поскольку на это совещание «Салют» в лице Андрея Лощина и его начальства (Бурлаков – зам. Генерального конструктора) почему-то возлагал какие-то надежды, перечислил на его проведение сколько-то там тысяч руб. (20, кажется) и принял в нём активнейшее участие.

Я ко всей этой суеде Лощининской с их платформой относился уже вполне скептически, но по долгу службы продолжал в ней участвовать, не пренебрегая хоть и мизерными шансами чего-нибудь с этого поиметь. Не денег, так связей, может быть, новых, полезных. На совещание приехал и Кореньков с надеждами чем-нибудь поживиться, а заодно и наши дела по модели обсудить, побывал на семинаре по нашей с Власковым теме, с народом нашим познакомился.

Модель на 386-м компьютере уже всю стрекотала, хоть и без теоретической термосферы, которую, впрочем и в Калининграде Бессараб со Смертиным никак до ума не могли довести. И как я понял из разговоров с Юрой (в том числе и телефонным ещё до его приезда), в Калининграде кое-кто (Смертин, разумеется, в первую очередь, и Володя Клименко, да и Юра сам, пожалуй) забеспокоился: а вот в Мурманске нашу модель запустили, а что мы будем с этого иметь?

Я ещё раз сформулировал свою позицию, которую каждый раз напоминал в Калининграде при приездах туда, и которая не встречала вроде бы там никаких возражений: мы совместно (обсерватория и ПГИ) доводим модель до того вида, в котором она была задумана и публично заявлена, после чего пишем и публикуем коллективную монографию по модели.

И пока это не реализовано, какие могут быть торги? Или их эта цель уже не интересует? Или они не видят вклада ПГИ?

Все пэгэёвские разработки для РС – к вашим услугам, пожалуйста; все расчеты, выполненные здесь, – так же; авторство в публикациях – как и было всегда в Калининграде – по вкладу. Участие ПГИ позволило уже как минимум вдвое увеличить количество расчетов, ибо РС работает не менее производительно, но куда более надежно, чем ЕС1046 в Ульяновке.

А в перспективе, если уже в этом году новая техника в ПГИ появится, даже сравнить нельзя будет вычислительные возможности. Я их здесь создаю для нашей общей задачи, разве это не достаточная плата? А деньги по договору с «Салютом» разве не через меня они получили? Сами-то никаких не сумели добыть.

Юра со всем этим соглашался, но говорил, что народ (на самом деле Смертин с Клименко) это как-то всё забыл, моё отсутствие несомненно ослабило былые чувства ко мне как к «отцу-основателю». Я уже для них главным образом начальник из чужой организации, бесплатно использующий их разработки.

Сошлись мы на том, что нужно заключить Договор о сотрудничестве между КМИО и ПГИ, в котором следует зафиксировать цели совместной деятельности и права сторон. Этот договор мы и составили с ним перед застольем по случаю праздника 8-го Марта, покатавшись предварительно втроём с Сашулей на лыжах.

Накануне мы с Юрой прошли по большому кругу при температуре +4°, меняясь лыжами, но, главным образом, он на пластике, а я на деревьях, которые практически все

не скользили, а 8-го было -2° и скольжение улучшилось, но у меня нога чего-то разболелась, так что мы ограничились прогулкой по Большому Питьевому озеру.

Вечером после первого рабочего дня совещания я затащил к себе домой Славу Ляцкого, а Кореньков и так у меня остановился, и мы хорошо посидели за бутылкой у нас на кухне вчетвером с Сашулей. Обсуждали, естественно, злобы дня, в том числе, где деньги добыть, или как людей сократить.

С этого и перешли на мою жёсткость, жестокость даже, как Слава считал. Чересчур уж я, мол, безжалостный, прямолинейный, к авторитаризму склонный, друзей лучших даже не слушаю, которые советуют помягче быть, не возбуждать народ своей принципиальностью.

Я же, подвыпив, упёрся: так, мол, и надо, иначе нельзя, время такое суровое, вот Гайдар – молодец, а ему тоже советуют – помягче, мол, нельзя так круто. Ещё круче надо, скорее отмучаемся. А друзьям легко советы давать, пусть сами попробуют народу нашему угодить. И нечего ему угождать.

Договорился, пьяный, до цитаты: избави, мол, меня Бог от друзей, а с врагами я сам справлюсь. Хорош гусь. Слава Богу, что друзья у меня, действительно, друзья и не обиделись: про то, мол, и говорим, что заносит тебя, чёрт знает куда.

А на следующий день участников совещания повезли в Лопарскую. Тут уж постарались Ейбог и его сподвижник Шаршавин, и Волков – начальник обсерватории Лопарская. Не за так, конечно, за салютовские деньги, да и пэгэвских Пивоваров незнамо сколько (не меньше) бухнул.

Погода была отличная: солнце, температура около нуля. Провели толпу по обсерватории, завели в подвалы трёхэтажного жилого дома сауной похвастаться – жаль, мол, народу много, времени мало, а то бы попарили гостей, и повезли в особое место, где собак на медведя натаскивают. Там егеря двух медведей в клетке держат и лось почти ручной неподалеку разгуливает. Специально для гостей устроили натаску собак – зрелище, конечно, экзотическое и захватывающее.

Вдоль просеки длиной метров пятьдесят и шириной десять натянута проволока, по которой скользит кольцо с цепью длиной метров пять, а на цепи медведица здоровенная. Ей вся просека доступна для разгуливания. Спустили собак – четыре лайки. Их сюда специально привозят – обучают медведя «сажать».

Собаки бросаются к медведице, лают, пытаются как бы даже цапнуть её за зад, она от них отмахивается и к себе не подпускает. Поразила меня стремительность, резкость её движений, такая махина, чёрная туша огромная, а как крутанётся – собаки врассыпную и уже, хоть и продолжают облаивать, но шибко близко не лезут.

Натаскивание собак на медведицу, Лопарская, 12 марта 1992 г.

Лишь одна чёрная лайка, неутомимая, опытная, выступавшая в роли учителя, упорно продолжала свои нападки, до хрипоты заходясь в остервенелом лае и крутясь впритык к медведице, целясь ей в зад. Та, в свою очередь, норвила зацепить её лапой. Собственно, между ними двумя и шёл поединок, остальные лайки выступали ассистентами, облаивая медведицу на расстоянии двух-трёх метров от неё. Состязание шло – кто вперёд устанет.

И победила чёрная лайка: она и «посадила» -таки медведицу. Это, значит, заставила её сесть на свой зад, прислонившись спиной к дереву. Теперь медведица отмахивалась, не меняя положения своего корпуса, что и требуется для охоты – практически неподвижная мишень, расстреливай.

С этого зрелища гостей повезли к подножью горнолыжной трассы и предложили подняться пешочком по её склону, по специально вырубленным в снегу ступенькам. Поднявшись, мол, приз получают, да и вид сверху красивый. Народ послушно полез. Вид, действительно, красивый.

А приз состоял в том, что не очень-то и высоко – у финиша лыжного спуска – гостей ожидали шашлыки с водкой и пивом – гвоздь программы. Публика была довольна. Навалились на угощение, оживление всеобщее... Вдруг вспомнили – а главного-то гостя внизу забыли, Бурлакова, замгенерального «Салюта»! Он сердечник, лезть наверх не захотел, я тут, мол, пока погуляю. Помчались вниз за ним, помогли подняться, и пил он тут не хуже других.

Пили сначала на воздухе, созерцая показательные спуски на горных лыжах Виктора Гуркалова, электроника нашего главного, потом набились в домик деревянный, где ректор Силезского Университета из Познани, профессор Пулина, гляциолог, делился опытом выживания польской университетской науки в условиях перехода к капитализму.

Пиво на снегу в Лопарской имело для меня неприятные последствия: застудил, наверное, зуб полуразрушенный, и на следующий день мне всю морду флюсом своротило на левую сторону. А я председательствовал почему-то на совещании на всех заседаниях.

Это в стиле Пивоварова – затеять мероприятие и повесить потом на кого-нибудь. Я не отказывался в первый день, чувствуя, что Пивоваров не потянет, поскольку сам не знает точно, чего хочет лично он, и что нужно «Салюту». Наговорить общих фраз он всегда горазд, но надо же и конкретные вопросы обсуждать и решать.

С помощью Лощинина я этот процесс как-то наладил и вёл к принятию нужного для «Салюта» решения совещания, одобряющего концепцию глобального экологического, геофизического и метеорологического мониторинга околоземной среды на базе «Салютовской» тяжелой платформы с лидарным зондированием как главным её элементом (сомневаясь вместе со многими в его осуществимости и уж, по крайней мере, эффективности).

С флюсом продолжать эту деятельность было очень не с руки, и я надеялся, что Пивоваров меня подменит, но он делал вид, что всё в порядке, идет нормально, сам он занят чрезвычайно важными разговорами в своём кабинете, а флюс – это ерунда, мелочи, не обращай внимания. И всё бы ничего, да нашлись скандалисты (дурной Черханов от Израэля, нервный Бакланов от Калабина), которым надо было непременно решение на свой вкус сформулировать – ну, и формулируйте, пожалуйста, предлагайте совещанию, пусть голосуют, – так нет, им надо было, чтобы я проводил их формулировки, на хрен они мне сдались. Пришлось нелюбезным тоном разговаривать.

А тут ещё кабинет у меня потёк от весеннего таяния снегов на крыше, капает прямо над дверью, чуть ли не на головы посетителям. Срам да и только. А Ейбог с Шершавиным мне мозги пудрят – ничего, мол, с этим покрытием поделаться нельзя, надо скаты строить (наклонную крышу надстраивать) или ещё лучше оранжерею на крыше соорудить. А пока пусть заливают, что ли? Хоть бы снег вовремя сгребали, да воде не давали бы застаиваться в лужах, сам даже лазал на крышу воду разгонять.

Вечером был банкет закрытия совещания, водка лилась рекой и закуска была полноценная, и всё – бесплатно, как и проживание участников в гостинице. Вот Пивоваров шиканул. Зачем? Как перед народом будет отчитываться? Такие вопросы я ему уже не задавал: хозяин – барин!

Одна накладка была лишь в начале совещания. Пивоваров решил салютовцев поместить в пэгэвской гостинице (а точнее теперь Шаршавинской – задарма практически Пивоваров отдал ему дом деревянный на верхней площадке, рядом со старым зданием ПГИ, Шаршавин, правда, его сам оборудовал под гостиницу, но из пэгэвского же ворованного материала). Те прилетели ночью, а гостиница закрыта, нет никого, Шаршавин сроки напутал. Дозвонились до Пивоварова, тот пришёл и повёл их в «Полярные Зори», а по дороге их чуть не накрыла глыба снега с крыши одного из домов на Ленинском проспекте. Буквально в метре от них грохнулась.

563. С Митей и Ириной в Протвино. VI съезд народных депутатов. «Ребята растерялись»

Совершенно неожиданно Пивоваров сподобился вдруг командировать меня за границу – в Финляндию. То, что он ездил по зарубежам когда не лень, а я – нет, меня не волновало по двум причинам.

Во-первых, английским надо овладеть, чем я и занимался, хоть и не форсированно, но регулярно, с очередной, новой англичанкой – Натальей Алексеевной Большаковой, сменившей Ларису Георгиевну Короткову, об уходе которой я очень сожалел, но удержать не сумел – вернулась на преподавательскую работу.

Пивоваров тоже занимался языком, но, похоже, без крупных успехов, что, впрочем, совершенно не стесняло его в общении с иностранцами – с помощью переводчика разумеется, в качестве которого чаще всего выступал Юрий Николаевич Куликов, разъезжавший за это вместе с Пивоваровым.

Во-вторых, за границу надо было везти хороший, новый результат по модели, а с этим дело притормозилось из-за плохой работы ЕС-ки в Калининграде и трудностей переноса модели на РС в ПГИ.

Разъезжать же с экскурсионными, преимущественно, целями а ля Пивоваров (который, впрочем, был глубоко убеждён, что решает важные вопросы в этих командировках) я бы, конечно, не против, но рваться к этому, напрашиваться или переживать, что Пивоваров ездит, а я нет, считал ниже своего достоинства, других проблем нет, что ли.

И вот – на тебе, Пивоваров сам предлагает. Вместо себя меня хочет послать, надо же! Подоплёка такого великодушия быстро проявилась. Оказывается, ехать надо на заседание Комиссии по советско-финскому сотрудничеству в области геофизики, обсуждать планы этого самого (точнее, теперь российско-финского) сотрудничества. А возглавлял российскую часть этой комиссии и, соответственно, делегацию – Олег Михайлович Распопов, которого Пивоваров упорно и нахально спихивал с поста Российского сопредседателя комиссии, заручившись поддержкой Калининкова от КНЦ и некоего Ежкова из ГКНТ. Но он недооценил связей Распопова и поддержки последнего от ООФА в лице Мигулина и Прохорова, раздражённых попыткой вмешательства ГКНТ в прерогативы ООФА.

Короче, не только пост сопредседателя Пивоварову не достался, но и пост Ученого Секретаря Российской части комиссии, занимаемый ранее Успенским, ушёл от ПГИ. Распопов назначил на это место сотрудницу ЛО ИЗМИРАН, куда Распопов ушел из ПГИ, Птицыну, да ещё Шумилов Олег, бывший член комиссии от ПГИ, в ней остался, будучи уже сотрудником ЛО ИЗМИРАН, куда он перешёл вместе с Распоповым. Ну а Юра Копытенко в комиссии и раньше представлял ЛО ИЗМИРАН как его директор.

От ПГИ один Пивоваров в комиссии остался, а было четверо, зато лоизмирановцев был один – стало четверо. Пивоваров, разумеется, оскорбился такой наглостью распоповской, и отказался вообще в этой комиссии работать и в Финляндию ехать вместо себя никого не предложил. Тут финны забеспокоились, у них связи-то реальные, старинные с ПГИ, а не с ЛО ИЗМИРАН, стали Пивоварова упрашивать: если не может приехать сам, то хоть прислал бы кого-нибудь.

Вот тут Пивоваров и предложил поехать мне и Куликову, откровенно признавшись, что он в одной компании с Распоповым и Шумиловым быть не может, тем более за границей, когда зависит от каждого соотечественника, владеющего английским. Ну не может, так не может. Я отговаривать не стал, был вполне уверен в своих дипломатических способностях в данной ситуации. В первый раз за границу в капстрану предлагают – отказываться что ли?

Поездка намечалась на 4 дня с 21 по 24 апреля, и чтобы успеть оформить документы, я отправился их проталкивать в Москву, в УВС – Управление внешних сношений при Президиуме АН. В Москве я пробыл десять дней **с 23 марта по 2 апреля**.

А там как раз Ирина на курсах повышения квалификации обучалась, оставив Михаила с Иваном на два месяца одних, так что я в этой командировке с обоими своими детьми пообщался. Встречались с сухим вином у меня в номере, поганеньком, но одноместном, в четвертом корпусе гостинице АН, что на площади Хо-Ши-Мина в одном здании с рестораном «Ханой», прямо над подземным переходом с входа в метро «Академическая». Ирина сообщила, что у них с Иваном ребенок будет в ноябре, что я и поприветствовал, спросив: – Плановый или как? – Плановый. Ну и хорошо. Молодцы. Смелые ребята. Время, конечно, веселое, но чего же ещё ждать, Иван не молодой уже. Справитесь.

Ездили с Ириной к Бирюковым, а туда в качестве сюрприза Любка с Андрюшкой заявились (Андрюшка в Питер в этот день уезжал, а Любка Бирюковым позвонила так просто и узнала, что я там буду сегодня с Ириной). Андрюшка был то ли с бородой, то ли с усами, но очень симпатичен.

Ездили втроём (я, Митя, Ирина) в Протвино. Там нам Любка с Жоркой с гордостью демонстрировали кошку, которая позволяла себя швырять куда угодно, чётко вцепляясь когтями в цель, повисая, например, на косяке. За это, наверное, она стянула на кухне и обгрызла кусок семги, который я привёз с собой из Мурманска в качестве гостинца.

В Протвино, конечно, развал как и повсюду. Из Серпухова еле добрались до него на автобусе. Перспектив никаких. Город при ускорителе. А кому он нужен, этот ускоритель? Ситуация одна из тяжелейших в нашей науке. Помаленьку можно за бугром подрабатывать, Жорка вот в Австралию собирается, но всех же за границу не переселишь. А ещё не так давно завидовали – Протвино! ИФВЭ! «Мы – физики» – книга толстая, скорее фотоальбом, в нашей квартире калининградской среди книг по искусству (почему-то) до сих пор стоит.

С Митей по Москве болтались – плеер покупали, купили китайский «International» за 1.500 руб., чем были довольны ибо чуть не купили за 1.700 при ценах от 1.300 до 2.100. Правда, летом его уже чинить пришлось у Саможанова за 150 руб., но это уже детали.

По утрам я бегал до МГУ и обратно или ещё куда-нибудь на такое же расстояние, минут на 20 бега. Бегу раз по Профсоюзной, по правой стороне от центра, вдруг слышу рядом со мной сзади «Дзам!», оборачиваюсь: «Жигули» в столб долбанулись, лобовым ударом. Заснул водитель, наверное. Теперь он сидел с закрытыми глазами, придавленный согнутым рулем.

Народу поблизости, кроме меня, никого не было. Рядом с местом аварии какая-то контора, женщина как раз входную дверь ключом открывает. Я спросил, есть ли у них телефон. Она впустила, и я вызвал ГАИ и «Скорую».

Потом вернулся к машине. Там стояли уже человека три и глазели, не зная, что делать. У водителя небольшими струйками текла кровь из носа, рта и глазниц. Я сказал, что сейчас «Скорая» подъедет. Тут водитель открыл мутные глаза и проговорил, с трудом, правда, ворочая языком: – Я тебе дам «Скорую»! Никаких «Скорых» чтоб не было...

Я ответил: – Не волнуйся. И не шевелись. Отдыхай.

И побежал дальше. Ибо тут уже толпа целая собралась. Лихие, однако, ездоки. Пьяный, наверное, с гулянки ехал. И заснул. На тротуар вылетел. Мог не в столб врубиться, а в меня, например, сзади.

Обратно я бежал по другой стороне Профсоюзной, но ГАИ и «Скорая» ещё были на месте происшествия, водителя в «Жигулях» уже не было. Гаишник, похоже, опрашивал свидетелей.

Загранпаспорт я оформил без происшествий, но за визой ещё предстояло поехать в Москву. Побывал в ГКНТ бывшем, теперь снова Мин. науки, но всё в том же здании на Тверской у Центрального телеграфа, пообщался там с известным чиновником Борисом Ивановичем

Имерековым, через которого деньги проходят по программе «Арктика», вручил ему по поручению Пивоварова экземпляр «Решения Совещания по мониторингу Арктики», над которым тот поусмехался и просил передать Пивоварову, что деньги по Арктике будут, но чтобы он перестал с Трошичевым воевать, кто главнее. Пивоваров не принимал Трошичева за руководителя всей программы (у которой ААНИИ был головной организацией) и отказывался ему отчёты посылать – ещё один бзик.

Вернувшись в Мурманск, я нашёл лыжный сезон в самом разгаре. Почти весь март (по крайней мере, до моего отъезда в Москву) температура воздуха в Мурманске днем была плюсовая, до +5°, но снег, правда, держался. А в апреле по утрам стабильный морозец -5°-10°, днём, конечно, потеплее, но всё же, в основном, минусовая температура, так что мы с Сашулей ещё катались по солнечной нерасквашенной лыжне, пока в Москве шумел VI Съезд народных депутатов, на котором Хасбулатов измывался над правительством («Ребята растерялись», и уход правительства по взмаху руки Бурбулиса).

В качестве тренировки общения с иностранцами перед поездкой в Финляндию мне довелось в отсутствие Пивоварова, куда-то в очередной раз умотавшего, принимать Манфреда Ланге, директора Арктикцентра Лапландского Университета из Рованиеми, рассказывать ему о ПГИ и о наших экологических устремлениях. Более подробно, точнее, многословно на последнюю скользкую тему говорил по поручению Пивоварова Куликов, и я поразился с какой непринуждённостью, если не сказать с нахальством, тот выпросил у Ланге обещание пригласить Пивоварова и его самого в Рованиеми на какой-то экологический конгресс. В очередной раз я пожалел о своей малограмотности лингвистической, и не в последний, конечно.

564. Санкт-Петербург – Лахти. Хельсинки. Демократы... Развалили страну, вот и ПГИ сейчас разваливают

17 апреля мы с Куликовым улетели в Москву; не задерживаясь, получили в УВС загранпаспорта с визами, и я перебрался в Ленинград, то бишь Санкт-Петербург, чтобы взять заранее билеты на автобус до Лахти, которым отправлялась в Финляндию распоповская команда. У Куликова семья в Москве, ему удобнее было появиться в Питере перед самым отъездом, а мне, напротив, не хотелось лишний раз стеснять Бирюковых, да и с билетами стоило подстраховаться, хотя по телефону мне обещали из агентства, что проблемы не будет даже и в день отъезда.

В ночном поезде Москва – Санкт-Петербург я оказался в одном вагоне с Олегом Шумиловым (тесен мир!), который, разумеется, на одну тему способен только был говорить – какая Пивоваров редиска. Заодно всем «демократам» досталось. Меня он дипломатично оставил вне критики, даже как бы посочувствовал, что мне с такими засранцами приходится работать.

Остановился я в Сестрорецке у Бургвицев. Тётя Тамара была вся в заботах о своей новой недвижимости – половине деревянного дома, доставшейся ей в наследство от умершей Вали Мироновой, которую тётя Тамара опекала в последние склеротические годы её жизни.

Дом был развалюха, но дачники в нём с удовольствием на лето селились. Задами дом выходил на озеро Разлив, а фасадом на Ленинградскую улицу (или Мосина?), бывшей раньше отрезком ленинградского шоссе, проложенного теперь по другую сторону железной дороги. Это уже не Сестрорецк, а Разлив, или как раз посередине между этими двумя станциями, минутах в десяти ходьбы от дома Бургвицев.

На этой «даче» я провёл целый день, готовя тексты на английском для возможных выступлений в Финляндии. Хорошо побегал в Сестрорецке, новый маршрут проложил: вдоль Сестры в курорт, оттуда по берегу Финского залива в Дубки и домой. Или в противоположном направлении. А главное, корюшки поел вдоволь, хотя в речки сестрорецкие она ещё не зашла по-настоящему, но в заливе её уже ловили сетями и в продаже была.

Путешествие в Финляндию началось на углу улицы Ракова и набережной Фонтанки, оттуда отправлялся шикарный ненашенский (шведского производства, кажется) весь стеклянный автобус Санкт-Петербург – Лахти. Цена билета 800 с чем-то тогдашних рублей. Это самый дешёвый способ выехать в Финляндию, поездом за доллары гораздо дороже.

Отправление в 16.00. Здоровуюсь с Распоповым, Шумиловым, Копытенко – все ведь с нашей кафедры физики Земли, ещё Пудовкин из Швеции подъедет. Тридцать лет почти знакомы, с Распоповым и Копытенко в экспедициях вместе бывали, а с Шумиловым Димуля Ивлиев где-то зимовал, в Тикси, кажется, но сердечности никакой. Знакомы и знакомы, только и всего.

Ещё Клеймёнова Наталья Георгиевна из ИФЗ, тоже с тех времен (с середины шестидесятых) знаю. Вот только с Птицыной лишь по телефону общался. Автобус заполнен менее чем на половину, не зря наличие мест гарантировали.

В Выборге раздадут бланки таможенной декларации для заполнения, и я осознаю, что зачем-то взял с собой деньги 2000 рублей, забыв совершенно, что провозить можно только 300 рублей. Обращаюсь к своим спутникам за советом – те ведь все не в первый раз таможенные досмотры проходят – что делать? Вписывать в декларацию или нет? Собственно я уже вписал с ходу, а потом задумался – стоит ли?

Реакция неожиданно перепуганная, можно подумать – я чёрт-те что сотворил. – С ума сошёл! Зачем тебе эти деньги? Негде оставить было? Можно, конечно, на таможне оставить, но потом обратно их получить как бы проблемой не стало...

Короче, решаю на свой страх и риск: прошу новый бланк, вписываю туда разрешенные 300 рублей, которые оставляю в бумажнике, остальные перекалываю в нагрудный карман пиджака. Авось обыскивать не будут. Но неприятное всё же ощущение.

Снять его помогли причитания тётки, сидевшей позади нас с Куликовым. Она сама русская с Украины, едет по приглашению родственницы, которая тут в Финляндии уже лет 10 живёт, на свадьбу её дочери, и везёт с собой вина сверх разрешённых двух бутылок водки. Это вино и не давало ей теперь покоя, совсем бедную замучило.

– Понесла нелегкая Дуньку в Европу! Это же сраму не оберёшься, ежели найдут! И куда его девать? Может выкинуть, чёрт с ним? Я этого страха не перенесу, сердце не выдержит. Может вы, ребята, возьмёте?

Мы успокаивали её, как могли.

– Нельзя, так они сами отберут, зачем выкидывать? Объясните, что Вы не знали, сколько нужно провозить, что на свадьбу везёте, может, и разрешат.

Мои лишние рубли никого, естественно, не интересовали. В таможене на финской стороне «зелёная» и «красная» линии. По «зелёной» проходят те, кто не сомневается в дозволенности провозимого багажа, по «красной» – кому не всё ясно со своими правами. Разумеется, честная тётка попёрлась на красную линию, единственная среди всех пассажиров.

Прошедшие досмотр напрямиком направлялись в «шоп» – небольшой магазинчик – рядом с таможеней, набитый всякой сверкающей всячиной, где уже можно присматриваться к ценам. Никто, конечно, ничего не покупал, так, экскурсия в ожидании отправления автобуса. Наконец, всё закончено, можно ехать.

В автобусе уже сидит счастливая тётка, потрясённая впечатлениями:

– Представляете, они такие вежливые! Я им всё объяснила, так они смеялись, что я так волнуюсь, сказали – не беспокойтесь, проходите. О, Господи! Поехала Дунька по Европам!

В это время мы уже действительно «ехали по Европе». Чего там говорить, разница ощущается сразу – от ровной дороги до вида за окном, благо сидишь, как в аквариуме. Леса-то как в Карелии, а домики аккуратные, все словно только что построенные, свежескрашенные, у каждого домика машина стоит, велосипеды и никаких заборов, абсолютно. Народ весь в ярких куртках и штанах, словно специально во всё новое вырядился. Короче, картина известная, не неожиданная, а всё же впечатляет после отечественной загаженности и разрухи.

В Лахти нас встречал Осмо Аулама, молодой ещё парень, учёный секретарь финской части комиссии, с ним микроавтобус комфортабельнейший, на котором едем дальше в Хельсинки, где запланирован «митинг». Оказывается, заседать будем даже и не в Хельсинки, а на борту корабля какого-то, который из Хельсинки куда-то поплывёт. Тут же в микроавтобусе нам выдают «командировочные» в конвертах – по 450 финских марок на трое суток, это примерно 100 долларов. Гостиницы, завтраки, обеды уже оплачены. Так что это нам на карманные расходы.

В Хельсинки прибываем где-то около 11 вечера, поселяемся в гостинице в одноместных номерах, своей чистотой ещё больше контрастирующих с нашими «номерами», чем внешний вид их и наших зданий. Цветные телевизоры сверхчёткого изображения с дистанционным управлением, спутниковая антенна, множество каналов, преимущественно на английском, а также французском, финском – не захочешь, а языки изучишь, и программы разнообразнейшие – политика, спорт, искусство, познавательные передачи, фильмы, только кнопки нажимаешь, как на баяне.

Мы с Куликовым оказываемся по соседству, на общем этаже, договариваемся поужинать вместе из собственных запасов у меня в номере.

Обнаруживаем, наконец, и недостаток финского гостиничного сервиса: стаканчики в номере пластмассовые, кипятить в них воду кипятильником неудобно, они от горячей воды деформируются, оседают, но пить чай всё же можно, хотя стаканчики потом приходится выки-

дывать. Впрочем, они и так одноразовые. В следующий раз кроме кипятыльника стаканы надо брать гранёные.

Изучаем карту Хельсинки, которую мне Града Петрова дала, выясняем, что находимся в самом центре города, рядом с Финским Метеорологическим Институтом – организатором совещания.

Утром я встаю рано и отправляюсь на пробежку – специально для этого кроссовки, штаны, ветровку взял, чтобы было что вспомнить – как по Хельсинки бегал.

Погода чудесная, ясная, хотя лишь градусов пять тепла, ещё недавно прошла волна холода, выпал снег и не везде он даже растаял. Сразу нахожу, где бегать: за ФМИ – спорт-площадки, за ними Ботанический Сад, вот вокруг них и побежал, озираясь, пока не выбежал снова на улицу, где гостиница находится. С трамваями, между прочим. Витрины по ходу, разумеется, оглазел.

После пробежки – душ и завтрак – «шведский стол» в гостинице. Очередные впечатления изобилия, на этот раз едового. Ешь чего хочешь, сколько влезет. А хочется всего. А выбор обалденный. Сил нет описывать.

Появился Пудовкин. Он где-то рядом в Скандинавии лекции читал, чувствует себя как дома здесь, но взъерошен, неаккуратно одет и хмур. Нечаянно слышу из-за стола, где он с Распоповым и остальными завтракает: – Демократы... Развалили страну, вот и ПГИ сейчас разваливают. Интересно, про кого это Пудовкин: про Пивоварова со мной или про Ляцкого с Мальцевым?

Утро у нас свободное до двенадцати, гуляем по Хельсинки, я взял с собой фотоаппарат (ФЭД-5), фотографирую просто улицы. Конечно, заходим в магазины, которых тут прорва, больше, кажется, только банков. В магазинах всё сверкает до приторности, но цены в переводе на рубли высокие, товары все фирменные, дорогие, дешёвого ширпотреба не видно, говорят, русские всё выгребли.

Всё как рассказывали. Наш знающий Митя говорил, что нет смысла там валюту тратить, лучше к нам везти. Я и не трачу, хотя можно было бы, например, двухкассетник купить, даже пару на выданные карманные.

В 12.00 собираемся в вестибюле гостиницы, знакомимся с Суксдорфом, председателем финской части комиссии, пожилым уже геофизиком за шестьдесят, с Пеллиненем – сравнительно молодым замдиректора ФМИ, начальником отдела геофизики, который, кстати, располагается на последнем, шестом этаже здания гостиницы, в которой нас разместили, а весь остальной институт занимает здание современной постройки по соседству.

На такси нас отвозят в гавань, до которой, впрочем, пешком идти недалеко, но везут, похоже, главным образом из-за наших сумок, отягощенных дозволенными к провозу бутылками водки. У причала стоит пара белоснежных громадин – лайнеров линии «Викинг Лайн». На одном из них – «Изабелле» – нам предстоит суточное путешествие по Финскому заливу – до Таллинна и обратно, в ходе которого мы и должны решить все вопросы предстоящего российско-финского сотрудничества в области геофизики.

В огромном здании морского вокзала проходим таможенные процедуры – за границу же отплываем, и знакомимся с остальными членами финской части комиссии – Матти Ниemi-ненем из «Ти-ти-комити» (финской конторы по научно-техническому сотрудничеству с Россией), учившимся когда-то в Москве и свободно владеющим русским, моложе Пеллинена ещё (но старше Аулама), Тауно Туроненом, пузатым, то ли седым, то ли светловолосым, говорливым, известным геофизиком, директором обсерватории Соданкюла, и Иормой Кангасом, профессором геофизики из Университета в Оулу.

Последние двое хоть и помоложе Суксдорфа, но в возрасте, где-то под шестьдесят (как, впрочем, и Пудовкин с Распоповым – давно ли были молодыми). Слово «знакомимся» отно-

сится, главным образом, ко мне, я только с Кангасом встречался в ПГИ, и отчасти к Куликову, остальные все давно и хорошо друг друга знают.

В 13.00 загружаемся на пароход. Это плавающий отель какой-то многоэтажный, с лифтами, девять палуб, кажется, из них пять или шесть для пассажиров, нижние – жилые, над ними ресторанные, пивбарные – магазинные, с почти стеклянными бортами для обозрения и на самом верху – палуба залов для заседаний и конференций разных размеров, соответственно оснащённых необходимой оргтехникой. Одно из таких помещений арендовано организаторами встречи для нашего совещания.

Каюты, правда, у нас нижайшего класса, двухместные, без иллюминаторов, тесноватые, но как всё в Финляндии – аккуратненькие, всё сверкает и блестит. Впрочем, нам здесь только переспать ночь.

«Изабелла» отходит, мы любуемся видом города, я поражаюсь тем, как наша махина проходит впритирку к островам на выходе из гавани – это какая же тут глубина сразу у берегов?

Нас угощают изумительным пивом. Выясняем, что в Таллинне захода не будет, проплывём мимо города вблизи и только. Смысл развлечения для финнов – в самой морской прогулке, в посещении пивбаров, ресторанов (все с видом на море) и магазинов на корабле, где цены заметно ниже, чем на суше. Есть сауна, бассейн, плати и пользуйся, отдыхай. Буржуйский отдых.

В 14.00 начали, наконец, работать, заседать то есть. И с коротким перерывом на нечто вроде ланча (кофе с обильными холодными закусками тут же в салоне заседания), занимались этим делом до полвосьмого вечера.

Суксдорф, Ниеминен и Пеллинен сделали обстоятельные доклады о прошлом, настоящем и будущем российско- (так и просится сказать советско-, но у них и раньше было «рашен»), а нам непривычно) финского геофизического сотрудничества.

Распопов хвастался проектом переоборудования военного самолета под летающую геофизическую лабораторию, а дальше по пунктам обсуждали план совместных работ и взаимных визитов, заранее заготовленный из предложений реально сотрудничающих групп, в пределах средств, отпущенных «Ти-ти-комити» и советскими научными учреждениями.

Практически все работающие финские геофизики уже были давно разобраны разными советскими напарниками, вроде Успенского, Яхнина, Тимофеева из ПГИ, выступающими, главным образом, в качестве генераторов идей, а финны – их реализаторами, причём количество предложений из России всегда превышало возможности финнов откликнуться по причине количественной несоизмеримости отрядов советских и финских геофизиков.

Причём, если последних больше интересовала наука в этом сотрудничестве (не рубли же деревянные), то наших, разумеется, привлекали финские марки в первую очередь. И вклиниться в эту систему очень трудно, как я понял.

Тем не менее, я вручил оттиски нашей статьи в ЈАТР Пеллинену, Кангасу и Турунену в качестве первого шага такого втискивания. Следующими шагами в этом направлении должны были стать совместные выпивки, к которым финны по общему мнению (и моим личным впечатлением о Симпозиуме в Ольгино) весьма предрасположены, и которые не заставили себя долго ждать.

Закончить работу за один присест не удалось, да и не планировалось. В 20.00 – ужин (или обед?) в ресторане, точнее, в одном из них. Из четырёх, кажется, блюд с переменной вин к каждому, заключая кофе с коньяком. Но безо всяких водок.

Мы с Куликовым оказались за одним столом с Натальей Клеймёновой, Кангасом и Туруненом. Последний был самым разговорчивым в компании, не взирая на своё ужасное произношение, вследствие чего я мало что понял из его рассказов.

А вот про него самого Клеймёнова рассказывала историю, как, будучи в Союзе, он ехал в компании советских геофизиков из Москвы в Ленинград поездом и ночью отправился в туа-

лет... босиком (привык, понимаешь ли, к ковровым дорожкам у себя в поездах), так ему потом в купе наши одеколоном ноги отмывали.

Обед (или ужин?) в ресторане был, как оказалось, только разминкой к основному мероприятию, которое состоялось в чьей-то каюте непосредственно сразу после ресторана. В дело пошла привезённая с собой водка – по бутылке с каждого русского – и символическая закуска, благо желудки уже были наполнены благородной пищей.

Разгулялись до песнопений Турунена с Пеллинемом, который к тому же подыгрывал себе на губной гармошке. Наши деликатно половинили себе и не жалели водки финским братьям. Гульнули хорошо.

С утра «шведский стол», потом заседание с кофе и опять же с закусками, но, главным образом, с частым питьём холодной воды (очень вкусной) всеми участниками, в особенности же Пеллинемом и Туруненом. Впрочем, не смотря на похмелье, настроение у всех было отличное.

Особенно оно улучшилось, когда работа была закончена и перешли к пиву (изумительному), которым угощали нас гостеприимные хозяева. Мы с Куликовым подарили оставшиеся у нас две бутылки водки Суксдорфу и Кангасу. Те приняли подарки с удовольствием, но попросили передать их не здесь на корабле, а на суше, поскольку они уже затарились тут водкой, а больше двух бутылок через границу (!) нельзя провозить. Так что водку мы им в институте вручили.

В Хельсинки мы вернулись в обед, пообщались ещё в институте, получили билеты на поезд на Лахти и разбежались по городу кому куда хочется, я опять с фотоаппаратом просто бродить по улицам, заглядывая, разумеется, в магазины. Митя просил футболку черную с надписью какой-нибудь, но был ещё не сезон и я только в одном месте подходящую видел, да и то большого размера.

В семь часов вечера отправились поездом в Лахти. Ехать было не менее комфортабельно и обзор был не хуже, чем в автобусе, которым мы ехали из Питера, множество новых построек в пригородах Хельсинки и Лахти производило впечатление разнообразием архитектурных форм, ну и аккуратностью, разумеется.

Через час езды мы в Лахти – известном месте международных лыжных гонок и соревнований по прыжкам с трамплина. Пешком добираемся до гостиницы, где нам заказаны номера. У стойки портье я стою с приготовленным паспортом, а Копытенко смеётся:

– Да не размахивай ты своим документом, кому он тут нужен. Бланк заполнил, деньги уплачены, бери ключи, иди, селись...

Я и в Лахти побегал. И вечером, прямо по улицам мимо ярко освещённых витрин, то туда, то сюда, рискуя заблудиться, и утром по заснеженному городу. Снег выпал ночью, а утром молодые дворники не только соскребали его с тротуаров, но и смахивали со всех стоящих на улице машин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.